

Принуждение к пространству

Что художник хотел сказать этой выставкой? Без понятия.

Можно ли назвать это искусством? Без понятия.

Кто вообще все это натворил? Без понятия.

Выставкой «Без понятия» Влад Юрашко собирает рассыпанные по его творчеству мотивы в непривычную, странную для глаза комбинацию, вырастающую из привычных для него живописи и фотографии. Неопределенное, повисающее состояние искусства без точно обозначенных границ медиа, фактически без результата. Оно может восприниматься метафоричным, но скорее призвано отбить желание коммуникации, обычно разворачивающейся на территории искусства. Как и те процессы, которые отражает выставка – ярое, неостановимое столичное строительство, точнее, декоративная перестройка: как бы обновление, а на деле залатывание дыр в «потемкинских» фасадах, закрытие строк в бюджете.

Для инсталляции эта комбинация слишком случайна, импровизационна, даже поверхностна. Это не инсталляция в чистом виде в плане работы с пространством, поскольку пространство ее намеренно разомкнутое, дискретное, рваное. Каждая стена исполняет собственную тему, как хор не слушающих друг друга дадаистов. Но голос времени в этом исполнении слышится без всякого напряжения. Голос времени и портрет места. Собственно, выставка и возникла из честного намерения зафиксировать образ городского пространства, в котором мы обитаем и которого стараемся не замечать (или у нас уже не получается – говорилось же, например, что Москва как образ очень тяжело дается кинематографистам последних десятилетий), деля его на улицы и дома, их обитателей и элементы природы. Влада – приезжего для Москвы человека, что очень важно – отличает поразительное чутье на особенности устройства пространств города и движения в них человека. Он замечает, как нас всех незримо, но настойчиво ведут, заставляют поворачивать и обходить, подниматься и опускаться, останавливаться и пробегать. Фактически помимо нашей воли, но это уже не имеет значения, поскольку именно энергию человеческой воли в первую очередь и отбивают принуждающие элементы пространства. Воли хватает только на политес: не толкнуть ближнего; при этом осознания, что мы вынуждены все время пихаться, не наступает.

Выставка тематизирует травму чужака и занята планомерным полевым исследованием такой травмы. И одновременно монументализирует эту травму руками других таких же травмированных чужаков, что тянет на подозрение в эксплуатации: для художника и организаторов было принципиально, чтобы выставка вся до последнего штриха была сделана руками гастарбайтеров (вполне, впрочем, легитимно здесь работающих) под авторским, разумеется, надзором, и лишена товарных объектов. Юрашко последовательно заменяет товар отношениями, закольцовывая множественные ситуации власти и подчинения, стройки и разрушения, создания артефактов и отказа от авторства в неразрешимую цепь противоречий. Если мы ничего не можем поделать со все возрастающими в количестве и масштабе ситуациями несправедливости, дисбаланса и фрустрации, мы просто машем на все окружающее рукой. Юрашко безапелляционно констатирует: те, кто живут в этом городе, рукой махнули давно. Если в этом искать какой-либо политический смысл, то он, вне всякого сомнения, найдется: в этой демонстративной отчужденности, пронизанности апатией, в синдроме «выученной беспомощности», который охватывает практически всех в этой стране. Но выставка для утверждения этого не нужна – достаточно написать критический текст. Акт Юрашко нацелен глубже – в истоки подлой и ленивой человеческой природы, в анализ бессмысленного желания улучшить существующее без необходимости, словом – в непотаенное ядро человеческой комедии.

Пунктиром это настроение поддерживается фотографиями, задавшими в том числе импульс всему проекту. Острота в них ощутима вперемешку с полнейшей неясностью. При всей их актуальности в них не найти ничего от просчитанного mood, свойственного, скажем,

фотосериям Вольфганга Тилльманса. Как и стены выставки, сколки реальности на фото тоже случайны, нелепы, необъяснимо найдены на московских улицах, в парках и на станциях метро, по углам и занырям, и даже посреди Красной площади, где красный цвет стен Кремля растекается грязным пятном. Здесь все движется как бы само собой: поэтичный приговор, возможно, последнее «прощай» грандиозному мегаполису, возможно, переход к его более вчувствованному переживанию. Легкий абсурдизм придает всему происходящему оттенок иронии, но им далеко не исчерпывается: здесь есть и жалость, и строгость, и любовь. Фотографии пронизаны сложными ритмами, синкопированными и неоднородными, но достаточно показательными для того, чтобы из них сложилась если не картина, то, во всяком случае, весомый образ.

Однако решающим элементом экспозиции становится свет: в данном случае, светильники, которые рабочие используют при начале строительства, пока не подведен свет стационарный. Они имеют простейшую остойчивую конструкцию – треугольник, своего рода первую букву, «альфу» пространственного обновления. Но это нарочито «плохой» свет, неудобный ни для кого. Он просто мешает. Глядя на него не вспоминается ни «свет просвещения», ни «свет истины». Это неоновый отблеск несбывшейся утопии, нереализованных свершений. В пространстве выставки он рифмуется с таким же бедным, плохим объектом – «контррельефом» из обрезков фанеры, – который теперь только отсылает не к героическим временам авангарда, а все к тем же чернорабочим, выносящим на помойку строительный мусор.

Начальный и итоговый образ выставки – дерево, которое в местном «пространстве власти», вертикальной до невозможности, принимает противоположное и противоестественное – горизонтальное – положение. Дерево здесь не растет и не чахнет, оно, как в старом анекдоте, висит так, как прибили. Зато наглядно предъявлены его корни, на которые, якобы, в обществе существует запрос: вот они, любуйтесь! Но ствол его отрублен, а крона отсечена. Это точно не нужный, бесполезный, как и все искусство, предмет, застрявший на выставке по пути в мусорный контейнер. И на этом кратком отрезке времени заставляющий нас задаваться вопросом: может быть, что-то в этом мире давно и основательно пошло не так? Ответом, кто бы его не давал, будет эхо названия выставки – точный и тонкий диагноз случившемуся. Без всяких прогнозов на будущее.

Сергей Попов